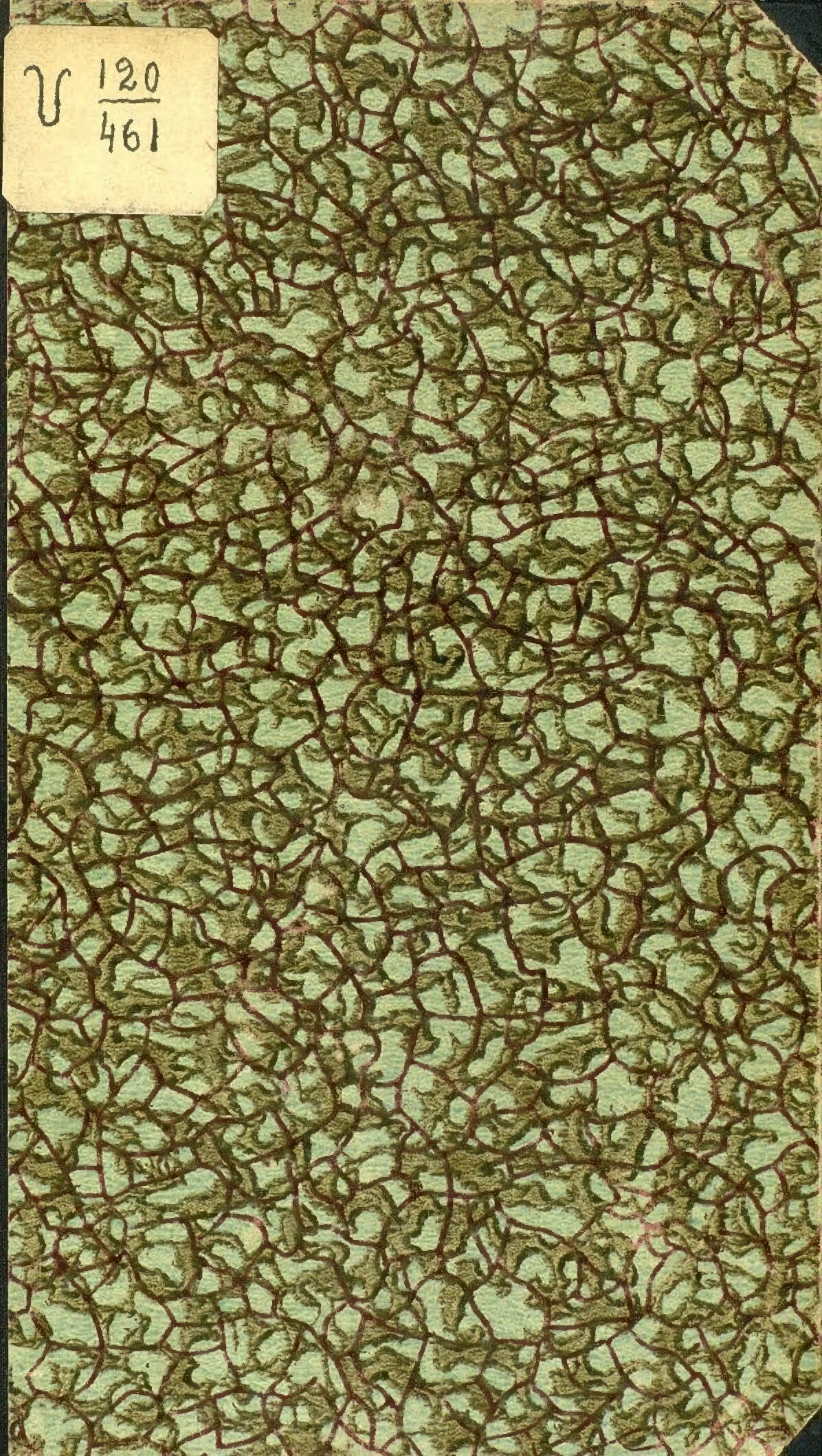

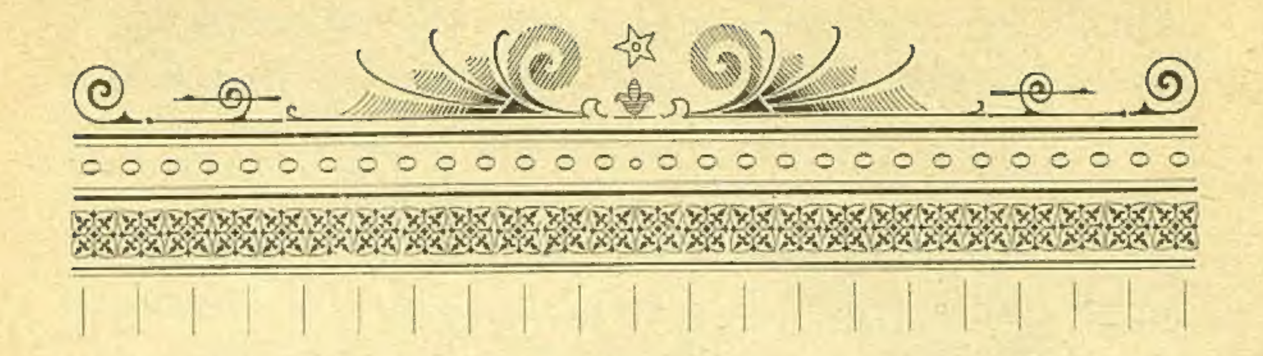
Ф. ТЕРНОВСКІЙ.

Императоръ Петръ І-й въ его отношеніяхъ къ царевичу Алексѣю.

(По поводу выхода въ свѣтъ VI тома исторіи царствованія Петра Великаго Устрялова).

Кіевъ, типографія
Т. Г. Мейнандера
Пушкинская 20.
- - - - 1911. - - - -

2007098127

Императоръ Петръ I-й въ его отношеніяхъ къ царевичу Алексѣю.

(По поводу выхода въ свѣтъ VI тома ист. царствованія Петра В. Устрялова).

> Окончательный судъ по дѣлу о царевичѣ Алексѣѣ можетъ произнести только потомство.
>
> *Карамзинъ.*

Дѣло о царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ первоначально было извѣстно свѣту на столько, на сколько угодно было открыть его Имп. Петру I-му. Лишивши сына законнаго наслѣдства, подвергнувши жестокимъ истязаніямъ приверженцевъ царевича и самого царевича, Императоръ, конечно, долженъ былъ объяснить своимъ современникамъ обстоятельства, побудившія его къ принятію такихъ крутыхъ мѣръ. Во уваженіе этого требованія Петръ I-й обнародовалъ два манифеста о преступленіяхъ сына, побудившихъ Государя отца отрѣшить его отъ наслѣдства престола и утвердить приговоръ, осуждавшій царевича на смертную казнь. Издавъ эти оффиціальные документы, Петръ не хотѣлъ, чтобы кто нибудь зналъ болѣе, чѣмъ сколько сказано

въ нихъ, или обсуждалъ дѣло о царевичѣ съ другой точки зрѣнія; онъ желалъ на его дѣло наложить печать молчанія и забвенія. Съ этою цѣлію по окончаніи суда надъ царевичемъ государь издалъ строгій указъ, запрещавшій всѣмъ и каждому, кромѣ учителей церковныхъ, писать что-нибудь запершись, подъ угрозою строго наказанія не только самимъ писателямъ, но и тѣмъ, кто знаетъ, но не донесетъ о нихъ [1]). Воля государя была исполнена. Дѣло о царевичѣ было извѣстно только по документамъ, обнародованнымъ Петромъ I-мъ. Русскіе историки смотрѣли на это дѣло съ той точки зрѣнія, съ какой указалъ смотрѣть Петръ. Нѣкоторые (напр. Полевой, Крекшинъ) въ судѣ надъ царевичемъ видѣли дѣйствіе пламенной любви къ отечеству, возвышеннаго героизма, съ которымъ государь, подобно древнему Бруту, жертвовалъ собственнымъ сыномъ для блага и счастія отечества. Другіе (какъ, напр., Голиковъ, Щербатовъ) видятъ, что Петръ не совсѣмъ правъ въ судѣ надъ царевичемъ, но признаютъ, что мрачныя стороны этого дѣла извиняются духомъ времени и неблагопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, искупаются государственными благодѣяніями Петра Великаго. „Могу ли я сказать слово осужденія" говоритъ кн. Щербатовъ: „противъ моего добродѣтеля, который озарилъ меня свѣтомъ просвѣщенія". Третьи — самые благоразумнѣйшіе, къ числу которыхъ принадлежитъ Карамзинъ—говорятъ, что окончательный судъ по дѣлу о царевичѣ можетъ произнести только потомство, когда по всей вѣроятности выдутъ на свѣтъ хранящіеся подъ спудомъ памятники, могущіе разъяснить это темное дѣло, когда отдаленность времени позволитъ судить sine ira et studio.

Протекло около полутораста лѣтъ, по кончинѣ Петра Великаго. Для великаго преобразователя Россіи наступаетъ

---

[1]) Ук. отъ 18 авг. 1718 г. Полн. Собр. Зак. т. V, — 3223.

уже потомство. Въ недавнее время вышелъ уже VI томъ исторіи П. В. Устрялова, раскрывающій дѣло о царевичѣ Алексіѣ. Множество драгоцѣнныхъ памятниковъ, хранившихся доселѣ въ архивахъ, вышли теперь на свѣтъ Божій. Правда, между этими памятниками нѣтъ ни одного, писаннаго противниками Петра и раскрывающаго дѣло о царевичѣ съ анти-Петровской точки зрѣнія (видно современники Петра строго соблюдали его законъ не писать запершись), но за то самъ Петръ обрисовывается со всѣхъ сторонъ, какимъ онъ былъ дѣйствительно, а не какимъ старался представить себя въ своихъ манифестахъ, такъ что теперь можно судить Петра отъ его собственныхъ словесъ.—Итакъ, дѣло о царевичѣ Алексѣѣ поступаетъ теперь на судъ потомства. Но, видно, современное намъ потомство не есть еще то крайнее потомство, которое одно только можетъ судить sine ira et studio. Видно, по необходимому закону реакціи послѣ момента безусловнаго поклоненія Петру намъ нужно пережить еще моментъ безусловнаго отрицанія въ немъ всякихъ заслугъ и достоинствъ. Видно, послѣ историковъ-панегиристовъ должны явиться еще историки-памфлетисты. Вообще современная литература наша не благоволитъ къ Петру: славянофилы не любятъ его вслѣдствіе глубокаго уваженія и сочувствія къ древней Руси, которую Петръ безжалостно губилъ своею реформою; западники—вслѣдствіе проникновенія идеею гуманности, которая была совершенно чужда дѣятельности Петра и о существованіи которой онъ едвали догадывался.—Въ частности тѣмъ же духомъ неблаговоленія къ Петру проникнуты журнальныя статьи, явившіеся по поводу VI тома исторіи П. В. Устрялова, (*Лонгинова въ Моск. Вѣдомостяхъ, Семевскаго въ Русскомъ Словѣ;* неизвѣстнаго автора въ *Современникѣ*). Видно, что авторы этихъ статей имѣли тенденцію развѣнчать Петра, свести его съ того пьедестала, на который онъ незаконно

поставленъ оффиціальными панегириками, разоблачить его пороки и нещадно побить его словомъ обличенія, точно также, какъ онъ нещадно билъ батогами своихъ современниковъ. Мы не говоримъ, чтобы эти статьи были несправедливы по своему содержанію, или чтобы Петръ въ дѣйствительности былъ гораздо лучше того, какъ онъ изображается въ этихъ статьяхъ; но мы думаемъ, что Петръ не найдетъ себѣ здѣсь правильной оцѣнки, потому что въ этихъ статьяхъ звучитъ тонъ задорной полемики, а не тотъ спокойно-благородный тонъ, какимъ должно изрекать свои приговоры потомство.

Мы, съ своей стороны, не будемъ ни хвалить, ни охуждать, но постараемся *только разъяснить* нравственный характеръ Петра. Само собою разумѣется, что эта задача обязываетъ насъ держаться вдали и отъ памфлетистовъ и отъ панегиристовъ Петра, чтобы тѣмъ вѣрнѣе попасть на *среднюю линію* истины. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ Петра В. является *необъяснимымъ* съ точки зрѣнія какъ панегиристовъ, такъ и памфлетистовъ. Съ точки зрѣнія панегиристовъ Петръ В. является, какъ смертный, *богамъ подобный*, не причастный обыкновеннымъ страстямъ и слабостямъ человѣческимъ. Такъ именно изображаютъ его Ломоносовъ и Морошкинъ въ „похвальномъ словѣ Петру В.“ Съ точки зрѣнія памфлетистовъ Петръ В. является, какъ демоническое существо, для котораго нѣтъ ничего святого, какъ жестокій тиранъ, почти какъ антихристъ, какъ называли его раскольники. Очевидно, оба представленія далеки отъ истины и только затемняютъ характеръ Петра В. Мы тогда только поймемъ и разъяснимъ себѣ характеръ Петра В., когда будемъ представлять его не какъ полу-миѳическое божество или какъ демоническое существо, но какъ человѣка съ плотью и кровью, съ слабостями и страстями, съ человѣческою ограниченностію и съ индивидуальными особенностями

характера, въ которыхъ, какъ и у всякаго человѣка, перемѣшано много добраго и злаго.

Въ предлежащемъ сочиненіи мы постараемся 1) раскрыть исторію отношеній Петра В. къ сыну, 2) начертать краткую, но по возможности вѣрную и точную характеристику Петра, на сколько нравственный характеръ его проявляется въ отношеніяхъ его къ сыну.

I.

Исторія отношеній Петра В. къ царевичу Алексѣю такъ богата трагическимъ элементомъ, что мы по справедливости можемъ назвать ее трагедіею,—и даже одною изъ печальнѣйшихъ трагедій, особенно если припомнить, что она не была плодомъ творческой фантазіи поэта, но разыгрывалась въ дѣйствительной жизни. Въ этой трагедіи мы можемъ различить четыре акта: царевичъ въ небреженіи, царевичъ въ опалѣ, царевичъ въ бѣгствѣ, царевичъ подъ судомъ. Печальный исходъ дѣла предчувствуется съ 1-го акта; послѣдующія обстоятельства еще болѣе усложняютъ коллизію, происходящую отъ столкновенія діаметрально-противоположныхъ характеровъ отца и сына, надежда на возможность примиренія и взаимнаго соглашенія оскудѣваетъ все болѣе и болѣе; наконецъ, чувствуется, что никакія счастливыя случайности не помогутъ, и что предѣлъ натянутымъ отношеніямъ отца и сына можетъ положить только смерть, которая одна въ силахъ разрѣшать всѣ земныя коллизіи.

Царевичъ въ небреженіи.

Отношенія Петра къ сыну во дни его младенчества и юношества такъ ничтожны и малозначущи, что объ нихъ не стоило бы и говорить, если бы въ этомъ періодѣ не было заложено сѣмя всѣхъ бѣдствій, которыя развились впо-

слѣдствіи.—Царевичъ Алексѣй родился въ 1690 г., когда отцу его было еще 13 лѣтъ. Первые годы младенчества Алексѣя были, быть можетъ, временемъ наилучшихъ отношеній отца къ сыну. Царь жилъ еще въ ладахъ съ матерью царевича, Евдокіею Ѳеодоровною. Еще жива была мать Петра, царица Наталья Кирилловна, которая старалась удерживать Петра въ нѣдрахъ тихой семейной жизни и изъ дальнихъ путешествій на Бѣлое море звала его назадъ именемъ *Олешеньки*. Весьма вѣроятно, что и самъ Петръ съ отеческою горячностію любилъ и ласкалъ своего первороднаго сына, по крайней мѣрѣ не имѣлъ никакихъ причинъ не любить его. Все это было тогда, когда царевичъ находился еще въ состояніи младенческой безсознательности. Когда царевичъ сталъ приходить въ сознаніе и различать себя и окружающіе предметы, вся обстановка кругомъ его уже перемѣнилась; бабушка уже умерла, мать жила въ разводѣ съ отцемъ и была пострижена въ монахини: самъ государь, занятый реформою государства и трудною борьбою съ Швеціею, былъ постоянно въ разъѣздѣ и не имѣлъ ни времени, ни охоты посвящать сколько нибудь вниманія своему сыну. Въ теченіе 12 лѣтъ (отъ 8 до 20 г. жизни царевича) царь видѣлся не болѣе 5 или 6 разъ съ сыномъ; и эти личныя свиданія были не на радость царевичу; отецъ почти всегда обращался къ сыну съ строгимъ выговоромъ. Такъ въ 1703 г. при началѣ ученія по наказу Б. Пойссена Петръ счелъ нужнымъ сказать сыну строгую и внушительную рѣчь, заканчивавшуюся словами: „если ты не будешь слѣдовать моимъ наставленіямъ, я не признáю тебя моимъ сыномъ, я буду молить Бога, чтобы онъ наказалъ тебя и въ сей жизни, и въ будущей". Въ другой разъ Петръ далъ сыну строгій выговоръ за посѣщеніе царицы-матери Евдокіи.—Въ остальное время, свободное отъ свиданій съ отцомъ, царевичъ чувствовалъ себя гораздо покойнѣе, занимался чѣмъ угодно, окружалъ себя

людьми по своему вкусу. Ученье шло кое-какъ. Петръ ни за чѣмъ не слѣдилъ и какъ бы забывалъ о существованіи царевича. Такъ прошло все время до 20-тилѣтія царевича.

Такія отношенія ясно показываютъ, что Петръ не любилъ своего первенца, что ц. Алексѣй былъ для него сынъ постылый. Отчего же могла возродиться такая холодность Петра къ сыну? Мы на это находимъ три причины: а) ц. Алексѣй былъ сынъ Евдокіи Ѳеодоровны, которую Петръ не любилъ и постригъ въ монахини, *ради нѣкіихъ ея противностей*, какъ сказано въ манифестѣ; всего вѣроятнѣе за то, что она была привязана къ старинѣ и слишкомъ ревновала царя, непостояннаго въ сердечныхъ привязанностяхъ: естественно, что нерасположеніе Петра къ матери переносилось и на ея сына. б) Петръ очень хорошо понималъ, что царевичъ не сходенъ съ нимъ по характеру, что симпатіи и антипатіи у нихъ разныя. Еще во время стрѣлецкаго бунта, когда царевичу было 8 лѣтъ, въ народѣ говорили, что онъ *Нѣмцевъ не любитъ*, и хотѣли посадить его на царскій престолъ, убивъ предварительно Петра, какъ такого государя, который *началъ вѣровать въ Нѣмцевъ*. Петръ зналъ это и рано сталъ видѣть въ сынѣ своего соперника, приверженца ненавистной партіи *бородачей, которые нынѣ не во авантажѣ обрѣтаются*. в) Новая привязанность Петра къ Екатеринѣ еще болѣе увеличивала нерасположеніе царя къ сыну. Честолюбивая женщина, руководимая Меньшиковымъ, зная привязанность къ себѣ государя, могла надѣяться вступить съ нимъ въ законный бракъ и видѣть себя или своихъ дѣтей на престолѣ Россійскомъ. Царевичъ стоялъ преградою на пути къ этой цѣли. Посему въ интересахъ Екатерины и Меньшикова было доводить разладъ между отцемъ и сыномъ до крайней степени. Гибель царевича была бы для нихъ высшимъ торжествомъ.

Итакъ, Петръ не любилъ царевича. Съ своей стороны и царевичъ не былъ расположенъ къ своему отцу—и по тѣмъ же самымъ причинамъ. Во-первыхъ, царевичъ видѣлъ въ отцѣ гонителя своей матери, виновника ея невольнаго пострижснія. Во-вторыхъ, рожденный съ душою тихою и неспособною къ борьбѣ, благочестивый и набожный, царевичъ не видѣлъ ничего худого въ старомъ порядкѣ вещей, не понималъ необходимости, важности и пользы реформъ Петровыхъ и считалъ ихъ положительно вредными. Въ этой мысли особенно утверждали царевича усердные приверженцы старины, *попы и чернцы, съ которыми онъ привыкъ имѣть конверсацію*. Эта симпатія царевича къ приверженцамъ старины очень понятна. Забытый, загнанный, униженный, не находившій удовлетворенія самымъ законнымъ требованіямъ любви и ласки со стороны Петра и всѣхъ приверженцевъ реформы,—царевичъ естественно долженъ былъ обратиться съ требованіемъ привѣта и сочувствіи къ людямъ, которые были также загнаны и унижены, какъ онъ самъ,—у нихъ находилъ онъ самое усердное сочувствіе, самую теплую симпатію, вмѣстѣ съ ними привыкъ онъ непріязненнымъ окомъ смотрѣть на всѣ дѣла своего родителя. Въ-третьихъ, новая привязанность Петра къ Екатеринѣ не была тайною для царевича: онъ долженъ былъ по расчету или ex officio писать къ ней почтительныя письма и заискивать ея расположенія. Но въ сущности царевичъ не любилъ Екатерины, и не могъ простить отцу своему того, что онъ, оставивъ царицу Евдокію, вступилъ въ связь съ женщиною, которая дѣйствуетъ за одно съ Меньшиковымъ, мстительна и зла, не знаетъ ни Бога, ни совѣсти. (Такъ впослѣдствіи характеризовалъ свою мачиху царевичъ во время бѣгства въ Австрію).

Такимъ образомъ, къ концу разсматриваемаго періода разность характеровъ Петра В. и Алексѣя окончательно

опредѣлилась; взаимное нерасположеніе сдѣлалось для всѣхъ замѣтнымъ; около каждаго изъ нихъ образовалась особая партія; съ одной стороны стояли Петръ съ Екатериною и Меньшиковымъ; съ другой—царевичъ съ несчастными приверженцами старины. Отселѣ исторія отношеній Петра В. къ сыну принимаетъ трагическій характеръ.

Впрочемъ взаимное нерасположеніе и непониманіе царя и царевича по всей вѣроятности осталось бы безъ послѣдствій и не увѣнчалось бы трагическимъ концомъ, если бы между ними не стояла новая коллизія—вопросъ о наслѣдствѣ. Отецъ оставилъ бы въ покоѣ и забвеніи нелюбимаго сына, не умѣвшаго понимать его плановъ и преобразованій; сынъ удовольствовался бы пассивною ролью и, внутренно ни въ чемъ не соглашаясь съ отцомъ, не осмѣлился бы внѣшнимъ образомъ перечить ему,—и такъ они прожили бы весь вѣкъ во взаимной разлукѣ и во взаимномъ непониманіи. Но бѣда въ томъ, что этотъ мало любимый и не понимавшій отца сынъ былъ законный наслѣдникъ престола; отъ него зависѣло по смерти Петра или продолжать его преобразованія, къ чему царевичъ былъ рѣшительно неспособенъ, или идти наперекоръ имъ, о чемъ Петръ не могъ помыслить безъ ужаса и негодованія. Это обстоятельство заставило Петра извлечь изъ мрака забвенія отверженнаго сына и серьезнаго заняться вопросомъ о наслѣдствѣ. Это было около 1709 г., когда Алексѣю исполнилось 20 лѣтъ, когда знаменитая Полтавская побѣда крѣпче прежняго убѣдила Петра въ пользѣ и разумности его преобразованій, дала ему возможность отдохнуть на лаврахъ послѣ блистательнаго торжества и обратиться мыслію къ будущей судьбѣ Россіи, тѣмъ болѣе, что разстроенное здоровье царя мало подавало надежды на долголѣтіе.

Царевичъ въ опалѣ.

Петръ думалъ однимъ ударомъ разрубить Гордіевъ узелъ, хотѣлъ разрѣшить трудный вопросъ о наслѣдствѣ сына весьма просто. Онъ рѣшился отправить сына за границу и женить его на какой-нибудь иностранной принцессѣ, надѣясь, что, быть можетъ, пребываніе за границею и женитьба измѣнятъ нравъ царевича, сломятъ его упорную привязанность, вознаградятъ отчасти за недостатки и пробѣлы его воспитанія. Между тѣмъ, на случай неудачи этой мѣры Петръ приготовилъ себѣ и другой исходъ; онъ самъ вступилъ въ законный бракъ съ Екатериною, дабы, съ случаѣ неисправимости царевича, имѣть отъ нея новыхъ дѣтей, могущихъ быть законными наслѣдниками престола. Обѣ свадьбы царя и царевича были отпразднованы въ одинъ годъ (1761), но за брачнымъ весельемъ, какъ увидимъ, скоро послѣдовали сцены семейнаго несогласія и еще бо́льшого разлада между отцемъ и сыномъ. Царевичъ три года пробылъ за границею. Пребываніе въ чужихъ краяхъ произвело на него мало впечатлѣнія. Онъ жилъ довольно замкнутою жизнью въ кругу своихъ приближенныхъ, поддерживавшихъ въ немъ прежній образъ мыслей. Женитьба также не могла перемѣнить царевича; онъ вступилъ въ бракъ съ Шарлоттою по волѣ отца, противъ собственнаго желанія; принцесса Шарлотта, обладавшая довольно (*sic*) благородствомъ души, но некрасивая собою, очень не нравилась царевичу, и по тому самому не могла имѣть на него никакого нравственнаго вліянія. Онъ остался тѣмъ-же, чѣмъ былъ: онъ возвратился на родину съ тѣмъ же пристрастіемъ къ старинѣ, съ тою же затаенною оппозиціею противъ реформъ Петровыхъ. Трагедія, обусловливаемая этой ложной коллизіей, начала разыгрываться тогда, когда обѣ брачныя четы съѣхались въ Петербургъ.

Положеніе Петра было очень затруднительно. Въ самомъ дѣлѣ, что было ему дѣлать? Утвердить наслѣдство за сыномъ? Но вѣрно было, что сынъ постарается разрушить все, чтó создалъ отецъ. Одна мысль объ этомъ была невыносима для Петра. Отрѣшить сына отъ наслѣдства?—А что скажутъ подданные? а что скажутъ вѣнценосные родственники Шарлотты, которые, отдавая ее за наслѣднаго кронпринца, надѣялись видѣть ее русскою императрицею? Что скажетъ вся Европа, видя такое произвольно деспотическое отрѣшеніе законнаго наслѣдника безъ всякаго внѣшняго повода? Быть можетъ, и собственное сердце Петра, не совсѣмъ еще охладѣвшее въ любви къ сыну, не позволяло Петру рѣшиться на такую крутую мѣру. Петръ зналъ притомъ, что эта крутая мѣра можетъ быть въ то же время и совершенно безполезна. Огромная партія людей, недовольныхъ преобразованіями Петровыми, была въ пользу царевича, а таковы были вся чернь и все духовенство. Петръ зналъ, что послѣ его смерти царевичу стоило сказать только слово архіереямъ и чрезъ духовенство подѣйствовать на народъ,—и тогда онъ противъ воли и завѣщанія отца единодушнымъ голосомъ народнымъ будетъ возведенъ на престолъ, тѣмъ болѣе, что у Петра не было другого сына, могущаго быть законнымъ наслѣдникомъ. Такія и подобныя соображенія по всей вѣроятности волновали душу Петра при обсужденіи вопроса о наслѣдствѣ. Пока мысли Петра не приняли опредѣленнаго направленія, онъ вымещалъ свою досаду на сынѣ, служившемъ для него камнемъ преткновенія. Оскорбленія сыпались на бѣднаго царевича и на его супругу; денегъ для содержанія выдавалось имъ слишкомъ мало, такъ что они терпѣли горькую нужду и кронпринцесса однажды вынуждена была со слезами просить у Меньшикова денегъ взаймы для необходимаго переѣзда. Въ Петербургѣ помѣщеніе молодыхъ супруговъ было до такой степени некомфортабельно, что въ спальню ихъ

проникалъ дождь. Петръ былъ такъ неделикатенъ по отношенію къ кронпринцессѣ, что во время отсутствія Алексѣя приставилъ къ ней особыхъ женщинъ для наблюденія надъ ея поведеніемъ [1]). Самого царевича Петръ многократно бранилъ, бивалъ и, наконецъ, почти совсѣмъ пересталъ говорить съ нимъ.

Хотя Петръ еще не изрекалъ окончательнаго приговора о царевичѣ, но легко можно было предвидѣть, что Петръ рѣшитъ вопросъ о наслѣдствѣ не въ пользу царевича. Онъ самъ былъ вооруженъ противъ царевича, Меньшиковъ и Екатерина вооружали его еще болѣе. Съ вопросомъ о наслѣдствѣ царевича для самого Петра связывался вопросъ о судьбѣ любимыхъ идей и плановъ; для Меньшикова и Екатерины—это былъ вопросъ о жизни и смерти. Озлобленный и униженный ими царевичъ въ свое время, конечно, припомнилъ бы имъ всѣ обиды и оскорбленія. Нерѣдко въ нетрезвомъ видѣ царевичъ грозилъ гибелью Толстому и другимъ приверженцамъ Петра; тѣмъ менѣе могли ожидать для себя добраго Меньшиковъ и Екатерина; естественно, что они имѣли всѣ причины раздувать въ сердцѣ Петра нерасположеніе къ царевичу. Большимъ несчастьемъ для отца и сына было то, что между ними не находилось третьяго посредствующаго лица, которое одинаково симпатизировало-бы отцу и сыну, одинаково было бы доступно тому и другому и заботилось бы объ ихъ примиреніи. Отецъ и сынъ жили въ различныхъ мірахъ; они разучились понимать другъ-друга, и не было никого, кто взялся бы быть между ними передникомъ и повелъ бы ихъ ко взаимному пониманію и соглашенію.

Между тѣмъ съ теченіемъ времени коллизія не только не упрощалось, но еще болѣе усложнялась. У Шарлотты

[1]) Этими обсерваціонными цѣлями объясняется, можетъ быть, многочисленность штата при кронпринцѣ и кронпринцессѣ.

стали рождаться дѣти,—слѣдовательно вопросъ о престолонаслѣдіи принималъ болѣе широкіе размѣры, и касался не только Алексѣя, но и его потомства. Въ 1714 г. у Шарлотты родилась дочь. Въ 1715 г. Шарлотта снова была беременна,—и въ то же время Екатерина обѣщала подарить Петру чадо.—Тогда Петръ видя, что вопросъ о престолонаслѣдіи отъ времени не разрѣшается, а все болѣе усложняется, рѣшился разсѣчь этотъ узелъ съ тою смѣлостію и рѣшительностію, съ какою онъ разсѣкалъ всѣ сколько нибудь препятствовавшіе ему узлы и сплетенія житейскихъ обстоятельствъ. На послѣднихъ дняхъ беременности кронпринцессы и Императрицы Петръ приготовилъ къ сыну письмо, въ которомъ поставлялъ ему рѣшительную дилемму: или перемѣнить свое поведеніе и свой образъ мыслей, или умереть политическою смертію,—т. е. постричься въ монахи. На другой день по написаніи письма, кронпринцесса родила сына, но это стоило жизни слабой женщинѣ. Смерть ея отчасти развязала Петру руки. Онъ могъ уже рѣшительнѣе приступать къ сыну съ помянутымъ предложеніемъ, менѣе опасаясь нареканія отъ многочисленныхъ сродниковъ кронпринцессы. Петръ такъ и сдѣлалъ. Въ день погребенія кронпринцессы (27 окт.) императоръ отдалъ царевичу вышеупомянутое письмо, а на другой день былъ обрадованъ рожденіемъ новаго сына-Петра отъ Екатерины.

Сопротивленія со стороны Алексѣя не воспослѣдовало; слабый царевичъ изъявилъ желаніе постричься въ монахи, скрывая въ душѣ лукавую надежду затянуть дѣло до смерти родителя или даже—по смерти его—скинуть съ себя монашескій клобукъ. Затѣмъ послѣдовала 10-ти мѣсячная пауза. Государь былъ долго боленъ, потомъ уѣхалъ за границу, не изрекая окончательнаго опредѣленія о судьбѣ царевича.—По непонятному закону духа человѣческаго въ душѣ человѣка, дѣлающаго рѣшительный шагъ, всегда возникаетъ сожалѣніе о

прошедшемъ, страхъ предъ будущимъ. Когда Цезарь переходилъ чрезъ Рубиконъ, тогда онъ, вѣроятно, яснѣе, чѣмъ когда нибудь, представлялъ себѣ всѣ трудности преднамѣреваемаго похода и жалѣлъ, что не остался на томъ берегу. Быть можетъ, то же замѣчаніе имѣетъ мѣсто и по отношенію къ Петру В. Быть можетъ, царевичъ никогда такъ не былъ близокъ къ сердцу отца, какъ тогда, когда тотъ отрекался отъ престола и соглашался заключиться въ монастырѣ. Быть можетъ, въ умѣ Петра предносились мрачныя картины безурядицы, которая наступитъ по его смерти при мололѣтствѣ наслѣдника, при непримиримой враждѣ приверженцевъ старины и реформы, при возможности самому Алексѣю выйти изъ монастыря или посадить на престолъ своего сына. Какъ-бы то ни было, государь медлилъ. Въ его рѣчахъ проглядывалъ оттѣнокъ нерѣшительности, такъ мало свойственной ему прежде. „Какъ хочешь", говорилъ государь, навѣщая сына предъ отъѣздомъ за границу: „какъ хочешь, а по моему лучше бы на прямую дорогу, чѣмъ въ чернцы." Но такъ или иначе нужно было выйти изъ затрудненія. Поэтому государь пишетъ къ сыну письмо изъ Копенгагена, повторяетъ прежнюю дилемму и требуетъ немедленнаго рѣшенія, въ случаѣ отреченія отъ наслѣдства—увѣдомленія о мѣстѣ и времени постриженія, въ случаѣ возврата на прямую дорогу—немедленнаго пріѣзда въ Копенгагенъ, „дабы мнѣ", прибавляетъ государь: „быть покойну." Царевичъ отвѣчаетъ, что онъ ѣдетъ къ отцу, и бѣжитъ подъ покровительство цезаря.

Здѣсь переломъ дѣйствія. Здѣсь мы можемъ пріостановить разсказъ и заняться необходимыми объясненіями. Что побудило царевича къ такому странному и не ожидаемому поступку? Въ отвѣтъ на это мы должны прибѣгнуть къ анализу внутренней жизни царевича. Царевичъ понималъ, что обѣ стороны дилеммы одинаково тяжелы для него. Постричься въ монашество противъ воли и промѣнять тронъ на келью—

какая печальная перспектива для человѣка, мечтавшаго быть русскимъ государемъ. Съ другой стороны, ѣхать къ отцу было не легче. Тамъ ожидали его тяжелые труды, строгія рѣчи отца, косые взгляды Меньшикова,—полная страданій жизнь человѣка, попавшаго не въ свою сферу, и мы вѣримъ, что царевичъ готовъ былъ лучше лежать въ лихорадкѣ, чѣмъ жить такою жизнею.

Люди, преданные царевичу, говорили, что отецъ зоветъ его въ Копенгагенъ съ злымъ умысломъ. „Отецъ знаетъ", говорили они: „что, постригшись въ монахи, ты будешь жить покойно и проживешь долго. Онъ зоветъ тебя къ себѣ, чтобы скорѣе уморить несносною волокитою и ругательствомъ." Въ этихъ словахъ была своя доля правды. Царевичъ не могъ ожидать для себя ничего добраго отъ поѣздки къ отцу. Съ одной стороны царь рѣшительно требовалъ, чтобы Алексѣй обратился на прямую дорогу, сдѣлался совершенно инымъ человѣкомъ, и по свойственной ему нетерпимости, конечно, не могъ удовольствоваться половиннымъ или временнымъ обращеніемъ. Съ другой стороны, царевичъ не могъ въ угоду отцу измѣнить свои уже окрѣпшія склонности, тѣмъ болѣе, что люди, окружавшіе Петра, всѣми мѣрами старались, чтобы изъ царевича не вышелъ сколько нибудь дѣльный человѣкъ (напр., Меньшиковъ намѣренно спаивалъ его). Принимая все это во вниманіе, мы должны допустить, что во всякомъ случаѣ исходъ дѣла долженъ быть гибеленъ для царевича. Такъ или иначе, рано или поздно отецъ долженъ былъ загубить сына. Царевичъ довольно живо чувствовалъ это. Что-же оставалось ему дѣлать? Прежде среди всѣхъ скорбей и огорченій мерцала для Алексѣя одна свѣтлая надежда, что отецъ скоро умретъ и будетъ для него доброе „время безъ батюшки." Суевѣрные друзья Алексѣя, основываясь на какихъ-то пророчествахъ, утверждали, что это вожделѣнное событіе случится довольно скоро—много, много черезъ 6 лѣтъ и

царевичъ слѣпо вѣрилъ имъ. Теперь эта свѣтлая надежда помрачилась опасеніемъ, что отецъ прежде своей смерти успѣетъ еще уморить сына—и Алексѣй рѣшился побѣгомъ спастись отъ напрасной смерти и гдѣ-нибудь на чужбинѣ въ тихомъ уединеніи дождаться лучшихъ дней. Въ октябрѣ 1716 г. царевичъ, отправившись будто-бы къ отцу, съ дороги бѣжалъ въ Австрію, взявъ съ собою только любовницу свою Евфросинію.

Царевичъ въ бѣгствѣ.

Своимъ бѣгствомъ царевичъ развязалъ руки государю. Внутреннее недоумѣніе Петра окончилось. Послѣднія искры жалости къ сыну замерли теперь въ сердцѣ Петра. Своимъ побѣгомъ царевичъ нанесъ отцу своему чувствительнѣйшее оскорбленіе и посрамленіе предъ цѣлымъ свѣтомъ. Петръ имѣлъ теперь полное право и благовидный предлогъ лишить сына наслѣдства и обрушить на него всю тяжесть своего мщенія, и никто не смѣлъ протестовать противъ такого рѣшенія. Поэтому мы думаемъ, что у Петра значительно полегчало на сердцѣ, когда онъ узналъ о бѣгствѣ сына. Мы охотно вѣримъ Голикову, который повѣтствуетъ, что Петръ былъ спокоенъ, попрежнему занимался дѣлами и какъ бы заранѣе былъ предуготовленъ къ той. великой драмѣ, которая начала предъ нимъ разыгрываться. Но скоро удовольствіе, которое испытываетъ человѣкъ, сложивъ съ себя бремя тяжкой заботы, смѣнилось въ душѣ Петра опасеніемъ, что, если нелюбимый сынъ доживетъ въ своей глуши до лучшихъ временъ и противъ воли родительской *непрямымъ путемъ* взойдетъ на престолъ? Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, Петръ былъ не такой человѣкъ, чтобы оставить безъ наказанія нанесенную обиду; пылкая натура побуждала его отмстить сыну за оскорбленіе, нанесенное предъ цѣлымъ свѣтомъ. Итакъ, по двумъ побужденіямъ, по опа-

сенію и изъ мщенія, Петръ рѣшился во что бы то ни стало добыть Алексѣя живого или мертваго. Разъ поставивши себѣ эту цѣль, Петръ пошелъ къ ней твердыми и быстрыми шагами. Чрезъ искусныхъ агентовъ Румянцева и Толстого Петръ скоро узналъ о мѣстопребываніи царевича въ Цезарскихъ владѣніяхъ въ Тирольской крѣпости Эренбергѣ. Узнавъ объ этомъ, Петръ обратился къ цезарю съ смѣлыми и рѣшительными протестами, убѣждалъ цезаря не вмѣшиваться въ ихъ семейныя дѣла, выдать непокорнаго сына, которому отецъ, конечно, не сдѣлаетъ ничего худого, угрожалъ войною въ случаѣ отказа,—добивался по крайней мѣрѣ непосредственныхъ сношеній съ сыномъ. Читая эти энергичныя письма, чувствуешь, что Петръ непремѣнно добьется своей цѣли и что двусмысленный цезарь не устоитъ противъ его сильныхъ представленій. Такъ и случилось. Цезарь сначала вздумалъ было хитрить, притворялся, что не знаетъ о пребываніи царевича въ своихъ владѣніяхъ, велѣлъ перевести его тайнымъ образомъ изъ Эренберга въ Неаполь, но когда Петръ уличилъ цезаря во лжи и указалъ даже на новое мѣстопребываніе царевича, то цезарь не сталъ далѣе противиться, позволилъ повѣреннымъ Петра вступить въ личные переговоры съ царевичемъ, а самъ рѣшился держать нейтралитетъ и сталъ дожидаться окончанія переговоровъ отца съ сыномъ. Разумѣется, цезарь во всякомъ случаѣ не сталъ-бы воевать съ Петромъ изъ-за царевича, но въ случаѣ рѣшительнаго отказа Алексѣя возвратиться въ отечество, цезарь нашелъ-бы возможность переправить его въ Англію или въ иную землю и такимъ образомъ укрылъ бы его отъ гнѣва отеческаго.

Итакъ, теперь все зависѣло отъ самого царевича. Теперь наступилъ для него тотъ рѣшительный моментъ, которымъ опредѣлялось: *быть или не быть*. Зная нравъ отца, Алексѣй не долженъ бы былъ возвращаться. Если бы онъ оставался

за границею, то сохранилъ бы безопасность и удержалъ бы свое угрожающее положеніе по отношенію къ отцу. Мы можемъ догадываться, что сдѣлалъ бы Петръ вь такомъ случаѣ. Потерявъ всякую надежду добыть сына живаго или мертваго, царь собралъ бы великій соборъ, торжественно предалъ бы сына анафемѣ и всевозможнымъ отлученіямъ, взялъ бы съ народа клятву не принимать его въ цари, распыталъ бы его приверженцевъ и казнилъ бы ихъ жестокими муками. До времени же Петръ сдерживалъ себя, чтобы не запугать сына: обѣщалъ ему амнистію и не трогалъ его приверженцевъ, надѣясь на его возвращеніе. Надежда не обманула его. Алексѣй возвратился. Главнымъ мотивомъ къ его возвращенію было то, что, слабый духомъ, онъ не могъ высвободиться изъ подъ вліянія Петрова, не могъ устоять противъ его угрозъ, обѣщаній, прощеній: онъ зналъ, что куда бы онъ ни скрылся, отецъ найдетъ его на днѣ морскомъ, и гдѣ бы онъ ни былъ, или захватитъ его въ полонъ, или велитъ умертвить его (Царевичъ боялся особенно Румянцева, котораго считалъ способнымъ совершить эту миссію). У страха глаза велики; царевичъ всюду видѣлъ для себя опасности, всюду разставленныя сѣти отца,—и въ этомъ расположеніи духа укрѣплялъ его Толстой, утверждавшій, что Петръ самолично пріѣдетъ за нимъ въ Неаполь. Между тѣмъ милостивое обѣщаніе пощады и даже бóльшей любви родительской манило его въ отчизну. Если бы царевичъ зналъ, каково это обѣщаніе, то онъ рѣшился бы лучше умерсть безгодною смертію на чужбинѣ,—и это было бы дѣйствительно лучше. Вмѣстѣ съ тѣмъ Евфросинія, по проискамъ Толстого отнимаемая у Алексѣя австрійскими чиновниками, убѣждала его возвратиться на родину въ надеждѣ вступить въ законный бракъ съ царевичемъ. — Итакъ, онъ рѣшился возвратиться и ѣхалъ домой отчасти со страхомъ, болѣе съ надеждой. Но люди, понимавшіе дѣло, знали, чѣмъ кончится эта исторія, и гово-

рили: „дуракъ царевичъ ѣдетъ назадъ, хочетъ жениться на Евфросиньѣ: желвъ ему будетъ, а не женитьба."

Царевичъ подъ судомъ.

Люди, понимавшіе ходъ дѣла, не ошибались; въ самомъ дѣлѣ, у отца готовилась царевичу кровавая свадьба, на которой вдоволь было кроваваго вина, много было гостей и почти всѣ полегли костьми на мѣстѣ пиршества. Говоря безъ аллегорій, готовились жестокіе розыски и казни.

Внутреннее состояніе души Петра за это время можетъ быть разъяснено слѣдующими соображеніями. Во время бѣгства царевича, вдумываясь въ его положеніе, оцѣнивая его силу и слабость, Петръ легко могъ понять, что царевичъ довольно силенъ не силою своего духа, но силою той многочисленной партіи, которая сочувствовала царевичу, питала антипатію къ Петру. Петръ досадовалъ, что еще жива эта тысячеглавая гидра, которую онъ рубилъ такъ долго и такъ напрасно, во время стрѣлецкихъ и иныхъ казней, и онъ вознамѣрился послѣднимъ, рѣшительнымъ ударомъ прекратить ея существованіе. Случай представлялся къ тому удобный. Пока сынъ былъ еще за границею, Петръ сдерживалъ себя, не трогалъ никого изъ тѣхъ, кого считалъ его приверженцами, чтобы не запугать царевича, чтобы расположить его къ скорѣйшему возвращенію. По возвращеніи сына Петръ вѣрнѣе надѣялся разузнать отъ него *что?* и *какъ?* Петръ думалъ, что въ рукахъ у царевича находился узелъ обширнаго заговора, многочисленныя нити котораго разсѣяны по всей Россіи. Посему немедленно по пріѣздѣ царевича Петръ предложилъ ему, какъ conditio, sine qua non, какъ необходимое условіе пощады, чтобы царевичъ выдалъ своихъ приверженцевъ. Нельзя не замѣтить тонкаго разсчета, руководившаго Петромъ при назначеніи этого условія. Царевичу была пред-

ложена безвыходная дилемма или погибнуть, или выдать своихъ сообщниковъ. Если царевичъ рѣшался на первое, то царь имѣлъ полное право погубить его, царь могъ сказать, что царевичъ самъ захотѣлъ своей погибели, а ему, царю, нужно же было узнать своихъ тайныхъ злоумышленниковъ, которые осмѣливались своими навѣтами разстраивать отца съ сыномъ. Если же царевичъ рѣшался на второе, то онъ представлялся существомъ, недостойнымъ участія и сочувствія, существомъ слабымъ и безхарактернымъ, ради собственнаго спасенія выдающимъ людей, которые были готовы всѣмъ для него жертвовать.— Слабый духомъ царевичъ рѣшился купить свое спасеніе гибелью преданныхъ ему людей, впрочемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, и самъ не ушелъ отъ погибели. Разсчетъ царя оказался вѣрнымъ.—Люди, доселѣ радѣвшіе царевичу, должны были горько сѣтовать и раскаяваться, что выбрали себѣ такого ненадежнаго патрона. Особенно рѣзко отражается это въ показаніяхъ Вяземскаго и Кикина.

Итакъ, царевичъ показалъ своихъ главнѣйшихъ благопріятелей. Этого довольно было государю, чтобы придать всему дѣлу ужасающіе размѣры. Свободное сообщеніе въ государствѣ было пресѣчено; число жертвъ розыска постоянно умножалось; одного незначительнаго навѣта достаточно было, чтобы прицѣпить къ дѣлу человѣка, сколько нибудь хотя случайно соприкосновеннаго.

Весь розыскъ дѣлится на двѣ части: Суздальскій въ Москвѣ и Кикинскій въ Петербургѣ. Сначала Государъ по необходимой ассоціаціи идей, не отдѣляя преступнаго сына отъ его несчастной матери, обратилъ вниманіе на Суздаль, гдѣ жила постриженная царица Евдокія, думая, что оттуда дуетъ вѣтеръ, что царевичъ, конечно, не безъ согласія съ матерью замыслилъ противленіе отцу и бѣгство. Главнѣйшими жертвами Суздальскаго розыска были: любимецъ

Евдокіи Степанъ Глѣбовъ и Суздальскій епископъ Досиѳей.—Потомъ розыскъ былъ перенесенъ въ Петербургъ. Нѣкоторыя незначительныя данныя, доставленныя любовницею царевича Евфросиніею, послужили поводомъ къ увеличенію жертвъ розыска, къ которымъ, наконецъ, причисленъ и самъ царевичъ. Въ настоящее время трудно представить, какъ жестоки были эти истязанія; дыбы, тиски, нещадные розыски были пускаемы въ ходъ при производствѣ слѣдствія; колесованье, колъ, отсѣченіе головы, нещадное біеніе кнутомъ и батогами, вырываніе ноздрей и пр. ожидали тѣхъ, которые были признаны преступниками, а таковы были почти всѣ тѣ, которые имѣли несчастіе попасться подъ розыскъ [1]).

Что же было результатовъ этихъ нещадныхъ розысковъ? Открыли ли они дѣйствительную опасность, угрожавшую Петру? Дѣйствительно ли существовалъ обширный серьезно задуманный заговоръ противъ Петра, въ пользу царевича? Ничуть не бывало. По самому тщательному розыску открылось только нѣсколько дерзкихъ рѣчей противъ Петра, сказанныхъ въ секретной бесѣдѣ, нѣсколько признаковъ благорасположенія къ царевичу, нѣсколько пустыхъ пророчествъ о скорой гибели царя и разрушеніи Петербурга—и болѣе ничего. Серьезнаго заговора, въ которомъ участники дѣйствовали бы сообща по опредѣленному, строго задуманному плану, совершенно не оказалось. И такъ Петръ сражался съ тѣнью, губилъ людей, которые вовсе не были опасны для него? Нѣтъ, этого нельзя сказать. Фактически заговоръ не существовалъ; но общее расположеніе умовъ было рѣшительно не въ пользу государя; въ народѣ существовало об-

[1]) По исчисленію Семевскаго, прикосновенныхъ къ дѣлу царевича оказалось 157 человѣкъ: число ударовъ, которые они претерпѣли на розыскахъ и казняхъ, простиралось примѣрно до 2000 слишкомъ, не говоря уже о истязаніяхъ, служившихъ къ прекращенію жизни.

щее недовольство настоящимъ порядкомъ вещей. Разстриженный епископъ Досиѳей не напрасно говорилъ на соборѣ, снимавшемъ съ него святительское облаченіе: „одинъ только я попался въ этомъ дѣлѣ; извольте только пустить ухо въ народъ, не всѣ ли то же говорятъ?“ Алексѣй не безъ основанія говорилъ: „я плюну на всѣхъ; здорова бы мнѣ была чернь.“ И если бы самъ Алексѣй былъ смѣлѣе и рѣшительнѣе духомъ, если бы практическій общественный смыслъ былъ болѣе разлитъ въ массѣ, если бы идея безусловнаго повиновенія монарху, какъ власти, поставленной отъ Бога, не связывала робкую совѣсть, и если бы, съ другой стороны, самъ Петръ былъ мягкосердечнѣе и не давалъ такихъ жестокихъ острастокъ не покорнымъ, то могло бы вспыхнуть серьезное возстаніе; покрайней мѣрѣ, были готовы всѣ условія для онаго. Петръ очень хорошо понималъ это. „Огонь“ говорилъ онъ: „когда находитъ для себя удобосгораемыя вещества, легко разгарается, но когда дойдетъ до желѣза или камня, тотчасъ гаснетъ“. Петръ не безъ основанія считалъ себя такимъ камнемъ; во время его царствованія многократно разгорался на Руси пламень возстанія; и всякой разъ гаснулъ, когда встрѣчался съ его желѣзною твердостію. Съ этой стороны самыя жестокости Петра получаютъ нѣкотораго рода разумность и даже извиняются государственною необходимостію.

Но Петръ чувствовалъ, что онъ не искоренилъ самаго источника зла, что онъ билъ зло не въ корень, а по вѣтвямъ. Онъ чувствовалъ, что народъ всегда будетъ имѣть законный поводъ къ возстанію, пока живъ будетъ царевичъ Алексѣй. Царь зналъ, что даже монашество тутъ мало поможетъ, ибо клобукъ не гвоздями прибитъ къ головѣ, и при удобномъ случаѣ всегда можно снять его, тѣмъ болѣе что всѣ знали, что царевичъ не имѣлъ добровольной охоты къ постриженію. Итакъ, Петръ рѣшилъ, что для окончательнаго

пресѣченія всякаго повода къ возстанію нужно погубить царевича. Задумано, сдѣлано. Внѣшнимъ предлогомъ къ осужденію царевича послужило то, что онъ утаилъ нѣкоторыя бездѣлицы, которыя послѣ оказались по розыску, напр. ни слова не сказалъ о посланныхъ изъ Австріи письмахъ къ архіереямъ и сенату. (Письма эти впрочемъ были самаго невиннаго содержанія). Чтобы придать всему дѣлу законный видъ и толкъ, Петръ собралъ соборъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ и предложилъ на обсужденіе, что дѣлать. Духовенство отказалось отъ участія въ судѣ, но свѣтскій соборъ былъ подъ другими вліяніями, и подписалъ смертный приговоръ царевичу. На третій день послѣ смертнаго приговора царевича не стало. Въ народѣ распустили молву, что царевичъ умеръ отъ испугу, когда ему былъ объявленъ смертный приговоръ. Но нѣтъ сомнѣнія, что смерть царевича была неестественной и произошла по волѣ Петра. Вѣроятно, Петръ велѣлъ келейно умертвить Алексѣя, чтобы царская кровь не была опозорена публичною казнью. Это произошло 26 іюня. 28 іюня были царскіе именины. Петръ и его вельможи *веселились довольно,* тогда какъ въ церкви стояло еще не погребенное тѣло царевича. Петръ чувствовалъ себя легко и спокойно, потому что сбылъ съ рукъ постылаго сына, имѣлъ у себя наслѣдникомъ сына любимой женщины и могъ уже не безпокоиться за судьбу своихъ преобразованій. Этою знаменательною чертою царскаго веселія мы заключимъ наше повѣствованіе.

II.

Въ исторіи отношеній своихъ къ сыну Петръ I-й послѣдовательно является намъ, какъ отецъ семейства, какъ дипломатъ, какъ судья и публицистъ.

Петръ не любилъ семейной сферы; вся его жизнь ушла на государственную дѣятельность. Построеніе кораблей, обу-

ченіе войска, учрежденіе Сената и Коллегій, устройство фабрикъ и заводовъ, реформа общественной жизни по всѣмъ ея отраслямъ—вотъ на чемъ сосредоточивались всѣ помыслы Петра, вотъ гдѣ была его любимая сфера, вращаться въ которой ему никогда не наскучивало. Когда же утомленный трудами, государь позволялъ себѣ кратковременный отдыхъ, онъ не спѣшилъ отдыхать въ нѣдрахъ тихой семейной жизни; нѣтъ, онъ искалъ другихъ, болѣе бурныхъ наслажденій въ эфемерной привязанности къ женщинамъ, въ шумныхъ и хмѣльныхъ пирахъ со своими сподвижниками. Понятно, какъ должна была сложиться семейная жизнь такого человѣка. Супруга Петра могла быть только или печальною затворницею, сѣтующею на вѣчное отсутствіе и невнимательность мужа (такова была Евдокія Лопухина), или покорною женщиною, способною всюду слѣдовать за Петромъ въ походахъ и пиршествахъ, равнодушно и невзыскательно смотрѣть на сцены буйнаго веселья и не оскорбляться никакими циническими выходками (такова была Екатерина I). Сынъ Петра могъ быть или любимымъ сотрудникомъ, понимающимъ планы отца, соучастникомъ его работъ и пиршествъ, или—существомъ заброшеннымъ, загнаннымъ, оставленнымъ безъ вниманія. Алексѣй не могъ быть любимымъ сотрудникомъ отца, но такъ какъ онъ былъ наслѣдникъ, то не могъ быть существомъ, оставленнымъ безъ вниманія; почему ему выпала возможно худшая доля—быть невольнымъ противникомъ отца и жертвою его гнѣва.

Не смотря на свое безучастіе къ семейной жизни, Петръ умѣлъ поставить себя такъ, что всѣ домашніе трепетали предъ нимъ. Боялась его и Евдокія, писавшая къ нему нѣжно-покорныя письма; боялась его и Екатерина, не смѣвшая входить къ нему, когда онъ былъ не въ духѣ; но всего болѣе трепеталъ отца бѣдный царевичъ—Алексѣй. „Я чувствовалъ къ отцу страхъ“, писалъ онъ впослѣдствіи, „но не сыновній“. Чтобы

избавиться отъ строгаго отцовскаго экзамена, царевичъ рѣшился изуродовать себѣ правую руку; чтобы избавиться отъ лицезрѣнія отца, царевичъ высказывалъ желаніе лежать въ лихорадкѣ и нерѣдко дѣйствительно притворялся больнымъ.

Какимъ образомъ Петръ умѣлъ внушать своимъ домашнимъ такой страхъ къ себѣ—это его тайна. Быть можетъ, онъ и въ семейную жизнь переносилъ привычки самодержавнаго властителя; быть можетъ, пресловутая дубинка также разгуливала по спинамъ лицъ царскаго дома, какъ и по спинамъ подданныхъ; можно сказать еще болѣе—Петръ шутить не любилъ; не понравившуюся ему личность онъ легко могъ исключить изъ своего семейства, какъ это выказываетъ примѣръ Евдокіи и несчастнаго Алексѣя, котораго Петръ послѣ бѣгства въ Австрію уже не считалъ своимъ сыномъ, отсѣкши его, яко гангренный членъ.

Какое же общее сужденіе можемъ мы произнести о Петрѣ, какъ о семьянинѣ? пріятно ли быть его сыномъ или членомъ его семейства? Въ отвѣтъ на это приведемъ слова ц. Алексѣя, сказанныя имъ передъ смертію. „Лучше было мнѣ“, говоритъ бѣдный царевичъ: „если бы я былъ сыномъ послѣдняго земледѣльца, чѣмъ теперь сыномъ знаменитаго монарха“.

Во время бѣгства царевича въ Австрію, Петръ является, какъ дипломатъ. Надобно отдать справедливость дипломатическимъ способностямъ Петра; всѣ его письма къ цезарю и сыну проникнуты необыкновенною энергіею, резонностью и цѣлесообразностью; въ нихъ собрано все, что могло бы расположить цезаря къ выдачѣ бѣглеца, а царевича къ возвращенію въ отечество. Относительно характера дипломатіи Петровой нужно замѣтить, что это дипломатія человѣка, опирающагося на матеріальную силу и въ случаѣ отказа готового поддержать свои требованія вооруженною рукою. Угроза всюду стоитъ въ дипломатіи Петровой, какъ убѣдительнѣй-

шій аргументъ. „Выдайте мнѣ моего сына, котораго вы держите вопреки всѣмъ правамъ (пишетъ Петръ къ цезарю); вы не можете судить отца съ сыномъ; если вы будете далѣе держать царевича, я *приму противъ васъ свои мѣры*". „Если ты не воротишься", пишетъ Петръ къ сыну: „то я, какъ отецъ, проклинаю тебя вѣчно, а какъ государь, объявляю тебя измѣнникомъ и употреблю всѣ силы, чтобы вредить тебѣ". О нравственномъ характерѣ дипломатіи Петровой нельзя не сказать, что этотъ характеръ не совсѣмъ чистъ. Не говоря о томъ, что Петръ позволилъ своимъ уполномоченнымъ прибѣгать къ подкупамъ и другимъ низкимъ средствамъ для возвращенія царевича, самъ Петръ для той же цѣли не стыдился употреблять лживыя обѣщанія. Такъ, въ письмѣ къ царевичу, убѣждая его возвратиться, Петръ обѣщается и клянется судомъ Божіимъ даровать ему прощеніе и бо̀льшую противъ прежняго любовь,—а мы знаемъ, какая жалкая участь постигла несчастнаго Алексѣя!. Царевичъ не напрасно говорилъ, что батюшка никакимъ словомъ себя не сдерживаетъ. Вообще, какъ дипломатъ, Петръ является человѣкомъ умнымъ, но не совсѣмъ честнымъ, умѣющимъ дѣйствовать только угрозами или лживыми обѣщаніями.

Наконецъ, въ послѣдній періодъ жизни царевича по возвращеніи его изъ Австріи Петръ является, какъ судія и публицистъ. Какъ отъ судіи вообще, мы требуемъ отъ него правды; какъ отъ судіи, судящаго по личному оскорбленію, мы требуемъ отъ него милости. Ни правды, ни милости не находимъ мы на судѣ Петровомъ. Весь процессъ судопроизводства обличаетъ сильнѣйшее желаніе не узнать истину, а только открыть какъ можно больше преступленій и найти какъ можно больше преступниковъ—жертвъ гнѣва.

Судопроизводство повидимому шло, какъ слѣдуетъ; участіе въ судѣ принимали многіе почетные сановники, сенаторы и даже архіереи; были и допросы и очныя ставки;

вообще всему дѣлу приданъ исконный видъ и толкъ; но тѣмъ возмутительнѣе видѣть подъ этою внѣшнею солидностію не стремленіе узнать истину, но грубую жажду мщенія, вслѣдствіе которой Петръ хотѣлъ при самомъ процессѣ судопроизводства посредствомъ розысковъ и пытокъ систематически измучить свои жертвы, такъ чтобы самый смертный приговоръ казался для нихъ благодѣяніемъ. Разумѣется путемъ пытокъ нельзя было узнать правды; несчастные подвергнутые истязаніямъ готовы были наговорить на себя, что угодно, лишь-бы избавиться отъ физической боли.—Мы не нашли на судѣ Петровомъ правды, тѣмъ болѣе нечего спрашивать о милости. Петръ не принадлежалъ къ числу тѣхъ благородныхъ людей, которые способны все забывать и прощать, какъ скоро дѣло идетъ объ ихъ личныхъ оскорбленіяхъ; напротивъ того, Петръ скорѣе могъ простить отступленіе отъ общихъ нравственныхъ законовъ, чѣмъ личное оскорбленіе; за личное же оскорбленіе онъ мстилъ жестоко, безжалостно и неумолимо. Въ такихъ мрачныхъ чертахъ является Петръ, какъ судія. Немного лучше является онъ, какъ публицистъ. Давая (sic) государству и Европѣ свѣдѣнія о своихъ дѣйствіяхъ, Петръ всего болѣе заботится о томъ, чтобы выставить себя какъ можно правѣе, и какъ можно болѣе очернить своего сына и противника. Для этой цѣли Петръ позволяетъ себѣ искажать факты и вообще ни сколько не заботится о сохраненіи святой истины. Мы знаемъ, напримѣръ, что Петръ женилъ сына на Шарлоттѣ противъ его воли, что невѣста не нравилась царевичу: между тѣмъ посмотрите, какъ Петръ изображаетъ этотъ фактъ въ своемъ манифестѣ! „Желая отвратить сына отъ его непотребствъ, мы дали ему позволеніе избрать въ супруги какую-нибудь изъ иностранныхъ принцессъ, гдѣ онъ полюбитъ; и онъ, полюбивъ принцессу Шарлотту, сестру цесаря римскаго и племянницу короля англійскаго, просилъ, чтобы мы исхо-

датайствовали ее ему въ жену, что мы и учинили, не пожалѣвъ на сіе супружество многихъ иждивеній". Какъ много неправды въ этихъ немногихъ строкахъ! Чтобы окончательно унизить сына въ глазахъ общества, Петръ не стыдится разоблачать его семейныя тайны, и въ слухъ всего свѣта объявляетъ, что у сына была любовница, съ которою тотъ жилъ явно беззаконно. Эта прокламація кажется особенно возмутительною, если припомнить, что Петръ самъ не былъ изъятъ отъ тѣхъ проступковъ, въ которыхъ обвиняетъ сына, смотрѣлъ на нихъ очень легко и безъ зазрѣнія совѣсти позволялъ ихъ себѣ; потому обнаруживающійся въ манифестѣ ригоризмъ въ особенности не къ лицу Петру.

Доселѣ мы разсматривали Петра въ опредѣлившихся и такъ сказать застывшихъ формахъ его дѣятельности; теперь постараемся захватить его въ самомъ процессѣ его дѣятельности или, лучше сказать, борьбы, ибо вся дѣятельность Петра была многоразличною борьбою. Отношенія Петра къ сыну—это тоже борьба, небольшой отрывокъ той великой борьбы за реформу, которую Петръ велъ въ теченіе всего своего царствованія. Алексѣй былъ однимъ изъ противниковъ реформы, противникомъ любимыхъ идей Петра; и этимъ объясняется то ожесточеніе, съ которымъ Петръ возсталъ противъ своего собственнаго сына. Повторять всего хода борьбы мы не станемъ; а ограничимся теперь только нѣкоторыми общими замѣчаніями.

1. *Петръ самъ былъ главнымъ виновникомъ дурныхъ отношеній къ сыну;* онъ тысячу разъ могъ предупредить или подавить разладъ съ нимъ. Не говоримъ уже о томъ, что Петръ могъ дать сыну лучшее воспитаніе, познакомить его съ плодами европейской цивилизаціи и убѣдить его въ необходимости сближенія Руси съ Европою. Даже когда во-

спитаніе царевича было закончено, и онъ утвердился уже въ привязанности къ русской старинѣ, Петру не многаго стоило убѣдить царевича въ пользѣ своей реформы. Царевичъ горячо любилъ отца, радовался, когда получалъ отъ него самомалѣйшую ласку, и боялся прогнѣвить его; даже во время бѣгства царевичъ рѣшился направить путь свой въ Австрію, а не во Францію, потому что отецъ его былъ не въ ладахъ съ королемъ французскимъ. Петру легко было склонить сына на свою сторону; нѣсколько кроткихъ увѣщаній, нѣсколько дружескихъ разговоровъ о пользѣ реформъ,—и царевичъ былъ бы окончательно на сторонѣ отца. *Но бѣда въ томъ, что Петръ никогда не любилъ дѣйствовать кроткими мѣрами* и преклонять людей на свою сторону *нравственнымъ вліяніемъ;* нѣтъ, онъ предпочиталъ дѣйствовать суровыми средствами, грубою физическою силою, насиліемъ и принужденіемъ. Такъ поступилъ Петръ и въ настоящемъ случаѣ. Вмѣсто того, чтобы вразумлять сына духомъ кротости, Петръ хотѣлъ было исправить его женитьбою на нелюбимой женщинѣ, также бранивалъ, бивалъ сына и, наконецъ, почти совсѣмъ пересталъ говорить съ нимъ; въ заключеніе же далъ сыну строгое приказаніе исправиться подъ угрозою лишенія отеческаго престола. Какъ будто брань и побои могутъ служить орудіемъ внутренняго исправленія, и какъ будто человѣкъ въ состояніи измѣнить весь строй своей душевной жизни вслѣдствіе внѣшняго приказанія. Очевидно Петръ требовалъ отъ сына невозможнаго, и всѣ суровыя требованія и строгія мѣры повели только къ тому, что сынъ сталъ бояться отца, какъ огня, отъ души желалъ ему смерти, и получилъ отвращеніе къ его реформѣ.

Здѣсь невольно приходитъ въ голову мысль: не оттого ли вообще реформа Петра была встрѣчена такимъ нерасположеніемъ, такою тупою, но упорною оппозиціею со стороны народа, что Петръ хотѣлъ пересоздать Русь во имя своей

монаршей воли, а не во имя яснаго и разумнаго убѣжденія въ необходимости реформы? Самъ Петръ, кажется, не доросъ еще до такого сознательнаго убѣжденія. Здѣсь не мѣсто подробно отвѣчать на предложенный вопросъ: не излишне впрочемъ замѣтить, что идея сближенія Россіи съ Европою постоянно одушевляла нашихъ государей, начиная съ Іоанна III, что съ XVI вѣка начинается постоянное тяготѣніе Россіи къ Европѣ; слѣдовательно, наши предки успѣли уже привыкнуть къ мысли о сближеніи съ Западомъ, и если они были недовольны реформою Петра, то были недовольны не столько идеею сближенія съ Западомъ, сколько тою грубою, деспотическою формою, въ которой, по державной волѣ Петра, совершалось это сближеніе. Причиною сопротивленія предковъ преобразованіямъ Петра мы привыкли считать грубую лѣнь и инерцію, свойственную русскому человѣку. На эту инерцію указывалъ самъ Петръ: „Русскій человѣкъ, ни за что самъ не примется, пока его не заставишь“. Но неужели инерція такого свойства, что не слушается никакихъ нравственныхъ возбужденій и ждетъ непремѣнно матеріальнаго толчка? Такъ думалъ Петръ, и въ этомъ, быть можетъ, состояла его величайшая ошибка. Незнаемъ, какъ простолюдины, но аристократы временъ Петровыхъ горько жаловались на деспотизмъ Петра, на то, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на мнѣнія умныхъ людей, которые, быть можетъ, не хуже его понимали и современное состояніе Россіи и пользу преобразованія. „Что за охота была тебѣ“ спросилъ Петръ Кикина, истекавшаго въ предсмертныхъ мученіяхъ, „что за охота была тебѣ, умному человѣку, идти противъ меня?“—„Что я за умный человѣкъ“, отвѣчалъ съ досадою Кикинъ: „умъ любитъ просторъ, а у тебя ему тѣсно“.

2. Вслѣдствіе своего неумѣнья дѣйствовать кроткими мѣрами Петръ сталъ съ сыномъ въ такія отношенія, что

взаимное примиреніе или соглашеніе между ними сдѣлалось уже невозможно. Почувствовавъ свой окончательный разладъ съ сыномъ, Петръ рѣшился сначала отрѣшить сына отъ наслѣдства, потомъ вовсе стереть его съ лица земли. Слово Петра законъ; рѣшеніе его твердо и неизмѣнно. Никакія силы въ мірѣ не въ состояніи заставить его отказаться отъ предпринятаго намѣренія. Какъ горный потокъ ниспровергаетъ всѣ преграды, встрѣчающіяся на пути его теченія: хижины, деревья, скалы, такъ и Петръ способенъ былъ сокрушать всѣ возможныя препятствія, лежащія на пути къ предположенной цѣли. Такимъ оказалъ себя Петръ и въ въ настоящемъ случаѣ. Нѣжныя чувства любви и состраданія къ сыну не могли служить для Петра важнымъ препятствіемъ: онъ привыкъ уже давить въ душѣ своей всѣ человѣческія чувства; гораздо труднѣе для него было справиться съ внѣшними препятствіями. Извѣстно, что Алексѣй обладалъ громадными силами, только не умѣлъ ими, какъ должно, пользоваться. Вся Россія была на сторонѣ царевича; народъ, измученный постоянными реформами, желалъ смерти неугомонному царю и жаждалъ тихаго царствованія Алексѣева: въ домашнихъ кружкахъ пили за здоровье царевича и называли его надеждою россійскою: чернь, духовенство, дворянство все было но сторонѣ Алексѣя, онъ самъ разсчитывалъ на содѣйствіе всѣхъ трехъ сословій. „Я плюну на всѣхъ" говорилъ царевичъ: „здорова бы мнѣ была чернь." „А какъ будетъ время безъ батюшки,—говорилъ онъ въ другой разъ, „я шепну архіереямъ, архіереи священникамъ, священники прихожанамъ, тогда и не хотя сдѣлаютъ по моей волѣ." —„Сенаторы до меня добры" — говорилъ онъ еще—„они будутъ дѣйствовать въ мою пользу". Расчеты царевича были основательны. Чернь не любила Петра, слѣдовательно, тяготѣла къ Алексѣю. Духовенство явило многіе опыты своего усердія къ царевичу. Не говоря уже о протестѣ

Стефана Яворскаго, не говоря уже о томъ, что многіе изъ духовныхъ пострадали по дѣлу о царевичѣ, нужно замѣтить вообще, что во все время суда надъ царевичемъ духовенство оказывало постоянную, хотя робкую оппозицію Петру. Такъ, оно не хотѣло было разстригать Досиѳея; такъ, оно отказалось отъ участія въ смертномъ приговорѣ царевичу и, видимо, старалось склонить суроваго царя къ прощенію. Изъ дворянъ многіе положили свои головы за царевича; а знатный сановникъ Шереметевъ, гласно выразилъ свое несочувствіе осужденію царевича. „Я рожденъ царю служить, а не кровь его убить" сказалъ Шереметевъ и не подписалъ смертнаго приговора, не смотря на великое неудовольствіе царя.

Нужно замѣтить, что всѣ сословія Русскаго государства съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣли на разыгрывавшуюся передъ ними трагедію отношеній отца къ сыну; всѣ отъ души сочувствовали послѣднему, желали всякой неудачи первому. Даже сами клевреты Петра, усердные исполнители его приказаній были проникнуты состраданіемъ къ царевичу, какъ это ясно видно изъ письма Румянцева. Есть преданіе, что сама Екатерина въ послѣднее время просила Петра объ уничтоженіи см'ртнаго приговора сыну, но напрасно. Петръ умѣлъ поставить на своемъ; общее настроеніе умовъ въ пользу царевича не помѣшало Петру покарать нелюбимаго сына. И такъ велика была твердость и энергія Петра, такъ магически дѣйствовалъ онъ на современниковъ, своей рѣшимостью, что, не смотря на все сочувствіе къ царевичу, ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пошевелиться на защиту его!

3. Мы видѣли ту упорную внутреннюю рѣшимость, съ какою Петръ стремился къ предположенной цѣли, не смотря ни на какія препятствія; посмотримъ теперь, къ какимъ средствамъ прибѣгалъ Петръ для успѣшной борьбы съ препятствіями. Справедливость требуетъ сказать, что Великій мо-

нархъ прибѣгалъ часто къ средствамъ неодобрительнымъ въ нравственномъ отношеніи: къ хитрости и жестокости. Хитростію — или точнѣе говоря — безсовѣстнымъ обманомъ выманилъ Петръ сына изъ надежнаго убѣжища въ Австріи, обѣщавшись Богомъ и судомъ Его даровать царевичу жизнь, безопасность, прощеніе и большую любовь. Съ хитрымъ расчетомъ, Петръ старался унизить сына въ глазахъ общества и погасить общее сочувствіе къ нему, заставивъ царевича выдать своихъ приверженцевъ и въ публичномъ манифестѣ разоблачилъ пороки его частной жизни. Эта манера—опрофанировать свою жертву, прежде чѣмъ окончательно загубить ее,—была весьма свойственна Петру. Приведемъ хоть одинъ примѣръ. Въ 1715 г. задумавъ уничтожить Патріаршеское достоинство Петръ рѣшился прежде опрофанировать оное. Для этой цѣли учреждена была шутовская свадьба князь-папы или патріарха 70-ти-лѣтняго Бутурлина съ 60-ти-лѣтней архіерейшей Бутурлиной. Самъ царь участвовалъ въ маскарадной процессіи. Народъ „щедро угощаемый виномъ, кричалъ“: Патріархъ женился! патріархъ женился! Да здравствуетъ патріархъ съ патріаршей!“ Какое нравственное достоинство имѣютъ подобные профанаціи, опредѣлить не трудно... За эпохою хитрости въ исторіи царевича Алексѣя послѣдовала эпоха жестокости. О жестокости Петра нѣтъ нужды много распространяться. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ кровавая исторія розысковъ, пытокъ и казней, совершенныхъ во время суда надъ царевичемъ. Для насъ особенно важно то характеризующее Петра обстоятельство, что онъ никогда не губилъ свою жертву однимъ разомъ, но наносилъ постепенно ударъ за ударомъ, наносилъ постоянно и безжалостно, пока наконецъ несчастная жертва совсѣмъ теряла сознаніе и падала подъ бременемъ невыносимой физической и нравственной боли. Извѣстно, что процедура допросовъ и розысковъ надъ

царевичемъ тянулась цѣлыхъ 4 мѣсяца и кончилась все-таки смертью царевича. Говорятъ, что въ это печальное время царевичъ почти совсѣмъ помѣшался и пилъ безмѣрно. Не гораздо ли человѣколюбивѣе было бы разомъ прекратить мученія несчастнаго, чѣмъ томить его такъ долго и такъ напрасно? Еще болѣе плачевною жертвою жестокости Петровой былъ Суздальскій епископъ Досиѳей. По указу Петра архіереи на соборѣ лишили его святительскаго сана и сняли съ него святительское облаченіе. Думая, что этимъ жестокимъ наказаніемъ все кончилось, Досиѳей горячился на соборѣ и сѣтовалъ, что онъ одинъ попался въ этомъ дѣлѣ. Бѣдный! онъ не предчувствовалъ, что это еще цвѣточки, что самыя жестокія наказанія еще ждутъ его впереди. На другой день разстригу Демида стали пытать, пытали едва ли не болѣе всѣхъ и наконецъ присудили къ колесованію. Святительскій санъ не спасъ его отъ суровой и позорной казни. Теперь становится понятнымъ, отчего, не смотря на свое крутое самоуправство, Петръ встрѣчалъ себѣ менѣе оппозиціи, чѣмъ сколько можно было ожидать. Всякій изъ недовольныхъ зналъ, что въ открытой борьбѣ ему не устоять противъ царя, одареннаго демоническою натурою, неразборчиваго въ средствахъ, не признававшаго никакого авторитета, и между тѣмъ никому не было охоты сдѣлаться жертвою гнѣва Петрова, всякій зналъ, что страшно впасть въ руки царя неумолимаго. Можно замѣтить кстати, что не безъ умысла Петръ учредилъ фискаловъ и коллегіальный способъ правленія. Эти учрежденія, разъединяя гражданъ, служили для Петра вѣрнѣйшимъ залогомъ личной безопасности [1]).

[1]) При разсужденіи о пользѣ коллегій именно поставлялась на видъ та польза, что если двое составятъ заговоръ противъ царя, то третій можетъ и долженъ донести: по теоріи вѣроятностей представлялось невозможнымъ,

4. Мы видѣли Петра во время борьбы; посмотримъ теперь, какимъ онъ является по окончаніи борьбы. Обыкновенно по окончаніи борьбы энергія, напряженная во время борьбы, ослабѣваетъ; человѣкомъ овладѣваетъ раздумье; онъ чувствуетъ потребность бросить взглядъ на пройденное поприще, повторить мысленно исторію борьбы; всѣ вещи представляются ему совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ являлись во время страстнаго увлеченія борьбы; человѣкъ бываетъ склоненъ къ раскаянію и самоосужденію. Такой періодъ остановки, раздумья, самоосужденіи вовсѣ не существовалъ для Петра. Надѣлавъ во время борьбы довольно зла, оставивъ слѣды, отмѣченные слезами и кровью, Петръ не останавливался, но спокойно шелъ впередъ, какъ человѣкъ съ чистою и неотмѣченною совѣстію, всегда готовый предстать на судъ Божій. Растоптать ногами чужое счастье, безжалостно загубить чужую жизнь—это для Петра не много значило. Чувство радости о благополучномъ окончаніи борьбы заглушало въ душѣ Петра всѣ прочія чувства.

Такъ, по окончаніи московскихъ розысковъ Петръ съ самодовольствомъ говорилъ, что огонь возмущенія нашелъ въ немъ, Петрѣ, твердую преграду, далѣе которой не могъ распространяться.

Послѣ несчастной кончины царевича также не видимъ никакихъ слѣдовъ раскаянія и самоосужденія. По случаю воспоминанію Полтавской викторіи Петръ и его сподвижники „веселились довольно“, тогда какъ въ церкви стояло еще непогребенное тѣло царевича.

Нужно признать, что Петръ обладалъ крайне свободною и безпритязательною совѣстію. Онъ не только безъ

чтобы вдругъ всѣ члены коллегіи составили заговоръ противъ государя; непремѣнно между многими членами долженъ найтись хоть одинъ измѣнникъ или человѣкъ слабодушный.

смущенія совѣсти могъ отрываться отъ преданій старины, напр. брилъ бороды и велъ образъ жизни, подобный иноземному; не только отступалъ отъ нѣкоторыхъ религіозныхъ постановленій, напр., ѣлъ въ посты скоромное (что въ то время считалось великимъ грѣхомъ) и вообще не дорожилъ внѣшностію религіи („у него и законъ на свою стать" говорили современники); мало того: Петръ съ спокойною совѣстію совершалъ такіе проступки, которые никакъ не могутъ быть оправданы по нравственному суду и однако же усиливался оправдывать ихъ. Такъ, послѣ стрѣлецкихъ мятежей, жестоко казня своихъ враговъ, Петръ говорилъ, что по его мнѣнію для Бога нѣтъ болѣе пріятной жертвы, какъ кровь этихъ злодѣевъ. Что послѣ совершенія проступковъ Петръ не испытывалъ никакихъ угрызеній и мученій совѣсти,—это мы уже видѣли.

Теперь спрашивается: отъ чего зависѣла въ Петрѣ такая свобода и безпритязательность совѣсти? Быть можетъ, отъ того, что умъ Петра, склонный къ софистикаціямъ(sic),могъ мастерски оправдывать самыя грубыя преступленія не только въ глазахъ толпы, но и въ глазахъ самого Петра: обманывая другихъ, Петръ ухитрялся обманывать самого себя. Кажется, была и другая болѣе важная причина свободы совѣсти Петровой. Всѣ интересы Петра сосредоточивались исключительно на административной дѣятельности: нравственные вопросы были почти совершенно чужды ему. Всякій поступокъ Петръ оцѣнивалъ не по сообразности его съ нравственнымъ закономъ, но по мѣрѣ его пользы или вреда для государственнаго благоустройства. По этому самому душа Петра въ нравственномъ отношеніи была какъ бы tabula rasa; нравственныя идеи почти не имѣли въ ней мѣста.

Петръ имѣлъ только самыя общія религіозныя и нравственныя представленія, и изъ нихъ по преимуществу выбиралъ то, что служило ему для практическихъ цѣлей, т. е. со-

дѣйствовало освященію и утвержденію его самодержавія и самовластія. Мы не видимъ никакой нравственной идеи, которую бы старался осуществить Петръ своею жизнію: правда, онъ въ теченіе всей своей жизни постоянно словомъ и примѣромъ проводилъ идею труда („трудиться надобно, братецъ", говорилъ Петръ Неплюеву: „я царь вамъ, а у меня мозоли съ рукъ не сходятъ."—„Мы по заповѣди Божіей, данной праотцу Адаму" писалъ Петръ къ одному изъ вельможъ „въ потѣ лица своего хлѣбъ вкушаемъ"), но не говоря уже о томъ, что Петръ трудился не для нравственности лично, но по преимуществу для практическихъ цѣлей, самая идея труда до такой степени формальна, что не можетъ опредѣлить собою содержаніе и строй нравственной жизни. Поэтому не удивительно, что совѣсть Петра была покойна и непритязательна; ибо извѣстно, что совѣсть при одобреніи и осужденіи питается нравственными представленіями и умолкаетъ при ихъ отсутствіи.

Здѣсь именно, въ различномъ отношеніи къ совѣсти, мы находимъ существенное различіе между Петромъ В. и Іоанномъ Грознымъ.

Обоихъ вѣнценосцевъ часто сравнивали между собою и, должно сказать, не безъ основанія. Въ ихъ жизни и характерѣ много сходнаго. Оба были очень умны, суровы, и самовластны; оба царствовали подолгу; оба оставили по себѣ прочную память въ народѣ и вѣчный, неизгладимый слѣдъ въ исторіи нашего отечества. Есть значительное сходство въ отдѣльныхъ фактахъ ихъ жизни. Оба стремились проложить доступъ къ Балтійскому морю и потому вели долгія и упорныя войны въ при балтійскихъ областяхъ; оба въ теченіе своего царствованія не разъ повторяли кровавую трагедію пытокъ и казней; оба, дабы насладиться самоощущеніемъ безграничной силы, сажали на престолъ подданныхъ, а сами нисходили въ кругъ простыхъ людей, отметали всѣ аттрибу-

ты царскаго достоинства, но удерживали при себѣ всю власть [1]); наконецъ—что всего важнѣе для насъ—оба были виновниками смерти собственныхъ сыновей.... Если припомнить притомъ, что Петръ изъ всѣхъ своихъ предшественниковъ наиболѣе симпатизировалъ Ив. Грозному, то сходство обоихъ государей становится разительнымъ.

Но при всемъ сходствѣ есть и различіе. „Иванъ былъ мечтатель, Петръ былъ реальнѣе", говорится въ одномъ изъ нашихъ журналовъ. Это правда по отношенію къ различію обоихъ государей по натурѣ; но мы имѣемъ въ виду указать еще на различіе ихъ по внутренней жизни. Душа Іоанна была постоянно волнуема нравственными и религіозными вопросами, совѣсть постоянно безпокоила его; никакія казуистическія толкованія и извиненія не могли успокоить ее; отъ того жизнь Іоанна была преисполнена внутреннею борьбою и душевными страданіями. „Угрызеніе совѣсти безъ раскаянія", такъ опредѣляетъ Карамзинъ состояніе души Іоанна. Отъ этого въ поступкахъ Іоанна замѣчаются значительныя неровности; онъ то ударялся въ аскетизмъ, надѣвалъ монашенскую рясу, думалъ подвигами покаянія и умерщвленія плоти загладить свои грѣхи передъ Богомъ; то снова бросался въ развратъ и жестокости, думая этимъ заглушить неумолкаемые упреки совѣсти. Петръ былъ не таковъ; въ немъ не замѣчается такихъ крупныхъ переходовъ отъ разгульной жизни къ аскетизму; онъ былъ постоянно ровенъ и вѣренъ себѣ; нравственные вопросы его не безпокоили; совѣсть его не мучила и странно было бы предполагать, что Петръ когда бы то ни было могъ оставить госу-

[1]) Иванъ Грозный посадилъ на престолъ Симеона Бекбулатовича, а самъ съѣхалъ съ царскаго двора и сталъ именоваться Иваномъ Московскимъ; Петръ нарекъ Ромодановскаго Кесаремъ, говорилъ ему: Ваше Величество, а самъ назвался Петромъ Шкиперомъ.

дарственную дѣятельность, надѣть монашенскій клобукъ и предаться подвигамъ покаянія и умерщвленія плоти.—Въ исторіи убіенія сыновей всего лучше сказалось внутреннее различіе обоихъ государей. Іоаннъ убилъ сына нечаянно въ припадкѣ гнѣва и потомъ горько плакалъ, молилъ лекарей о возвращеніи несчастному жизни, называлъ себя сыноубійцею, говорилъ, что ему не слѣдуетъ царствовать, а остается только удалиться въ монастырь и въ тихомъ уединеніи оплакивать свои грѣхи, говорилъ, что Богъ лишеніемъ сына покаралъ его за прежнія преступленія, наконецъ послалъ въ Палестину нѣсколько тысячъ рублей на поминовеніе души убіеннаго Іоанна. Напротивъ того, Петръ велъ борьбу съ сыномъ нѣсколько лѣтъ, судилъ его нѣсколько мѣсяцовъ, былъ виновникомъ его смерти обдуманнымъ и сознательнымъ. Наложиши свой тяжкій гнѣвъ на сына при его жизни, Петръ, повидимому, не простилъ сына и по смерти. Послѣ кончины царевича Петръ веселился довольно, какъ бы избавившись отъ личнаго врага, не велѣлъ носить по немъ трауръ, признавая его государственнымъ преступникомъ, называлъ его злодѣемъ и врагомъ государя и отечества... Нѣтъ ни одного извѣстія, чтобы Петръ когда нибудь пожалѣлъ о своемъ безвременно погибшемъ сынѣ. Впрочемъ, можетъ быть, по смерти своего наслѣдника Петра Петровича, когда Петръ предавался припадкамъ сильнѣйшей горести, запирался по цѣлымъ суткамъ, никого не пускалъ къ себѣ и погружался въ грустныя размышленія, можетъ быть, тогда, размышляя о томъ, что Русь осталась безъ наслѣдника, Петръ вспомнилъ о своемъ несчастномъ первенцѣ и пожалѣлъ о его безвременной смерти, впрочемъ это только *можетъ быть*... Различіе внутренней жизни Петра В. и Іоанна отразилось и въ ихъ физіогноміяхъ. Лице Іоанна изрыто морщинами; взоръ суровый и мрачный; на всей физіогноміи лежатъ слѣды многихъ душевныхъ бурь, потрясеній и страданій. Это лицо

страстное, но вмѣстѣ и страдальческое.—Взоръ Петра полонъ, огня и бодрости, лицо носитъ выраженіе энергіи, силы воли и озабоченности текущими интересами, но ни малѣйшихъ слѣдовъ того, что называется душевными страданіями.

Вотъ все, что мы могли собрать для характеристики Петра изъ его отношеній къ сыну. Передъ нами возникаетъ грандіозный образъ великаго монарха, одареннаго необыкновенною силою ума и воли, въ самыхъ порокахъ и слабостяхъ котораго проявляется натура сильная, не свойственная людямъ обыкновеннымъ. Нужно признаться, что мы мало симпатизируемъ Петру: эта могучая личность производитъ въ насъ чувство смущенія и страха; мы не хотѣли бы быть ни членами семейства, ни приближенными, ни даже современниками Петра. Впрочемъ это только субъективное чувство сердца. По суду разума мы считаемъ себя не въ правѣ обвинять Петра. Пусть тѣ, которые считаютъ реформу Петра безвременною и вредною, бранятъ его, сколько душѣ угодно; но кто вѣритъ въ пользу и благотворность государственной дѣятельности Петра Великаго, тотъ не можетъ безъ противорѣчія самому себѣ порицать нравственный характеръ Петра и его отношенія къ сыну. Петръ былъ послѣдователенъ и вѣренъ себѣ; въ отношеніяхъ къ царевичу онъ проявлялъ ту же твердость, ту же жестокость и хитрость, ту же свободу совѣсти,—кратко сказать тѣ же самыя свойства, съ помощію которыхъ онъ совершилъ свою реформу. Требовать чтобы Петръ былъ вмѣстѣ великимъ реформаторомъ и великимъ гуманистомъ—значитъ требовать невозможнаго. Будь Петръ мягче, гуманнѣе, совѣстливѣе, онъ никогда не совершилъ бы такихъ многозначительныхъ государственныхъ дѣяній; его душа изстрадалась бы отъ постоянныхъ противодѣйствій; онъ палъ бы, едва пройдя нѣсколько шаговъ, не вынесши тяжкой борьбы, не довершивъ труднаго подвига. Если Петръ остался побѣдителемъ въ борьбѣ, если онъ, не смотря на

всѣ пре[illegible] успѣ[illegible]
му, то этимъ обязанъ онъ кромѣ сво[illegible]ливости тѣмъ качествамъ, которыя мы признали столь неодобрительными въ нравственномъ отношеніи. Вообще жизнь и дѣятельность Петра служатъ новымъ подтвержденіемъ того наблюденія, что „рѣдко великіе монархи отличаются нѣжною чувствительностію", и притомъ отсутствіе нѣжной чувствительности служитъ между прочимъ причиною и залогомъ ихъ величія.

Май 1860.

Ф. Терновскій.
